

Аркадий Филёв.
Мой школьный день.

Правило: Как бы ты не был занят и утомлён работой, но не уходи
из школы прежде, не занеся своих наблюдений.

Тетрадь № 2

23 января 1941 года.

Человек – это звучит гордо. Если ты уважаешь себя, то уважай и других. Эти истины, кажется, знают все, но, к сожалению, повторяю, к сожалению, не выполняются.

Вот один из случаев, которые не редки в наши дни. Было зимнее холодное утро. Слабый свет раннего утра еле пробивался сквозь морозные шторы окна. Я в школу пришёл раньше обычного. Учитель математики, очень уважаемый всеми товарищ, стоял около расписания. Спустя минуты две к нему подбегает учительница химии Анна Александровна и на лету бросает: «А почему у меня пропуск?» Я взглянул в лицо Анны Александровны. Той улыбки, которую я видел вчера при покупке ею велосипеда, не было и следа. Лицо было искажено злобой. Уж не ко мне ли, подумал я. «Да, пропуск, иначе нет выхода,» – вежливо и вдумчиво, безо всякой запальчивости отвечал Николай Николаевич. «Да... По твоему гулять прикажете мне...». «Придётся погулять», – усмехаясь, отвечал собеседник. Анна Александровна: «Дурак! Дурацкий ответ», – и ещё были сказаны какие-то слова в этом же роде. Анна Александровна ринулась от расписания к печке: «Не мог лучше придумать, дурак!» – бросила она. Я изумился, не понимая, от кого я слышу эти слова. Николай Николаевич был сдержан, как всегда. Я почувствовал себя неловко. Это бывает в слишком напряжённые минуты. Я словно стал проваливаться куда-то. Какие-то надоедливые мысли затемнили мой план работы. Я хотел что-то сказать, но... пересилил себя... Я ушёл в кабинет директора, но и там не нашёл места. Звонил звонок. Все спешили на урок. Я вышел почти последний, разбитый и оскорблённый. Передо мною ученики 9 «Б» класса. Я всегда захожу в класс с улыбкой и перекидываюсь парочкой слов перед началом урока при (отметке) в журнале. Я всегда старался и стараюсь избегать формально-суховатого обращения. Но в этот раз я стоял перед учениками с каким-то застывшим, неподвижным взглядом. Через минуту оправился, хотя голос выдавал меня. В большую перемену Анна Александровна задала пару вопросов грубоватым тоном и с косою усмешкой, холодящей сердце. Я не мог сдержать себя и сказал: «Нужно уважать человеческое общежитие и не грубить». (и что-то в этом роде). «У нас личное, а не общественное, – бросила Анна Александровна, – теперь напишет приказ за моё поведение».

Последних слов я никак не ожидал.

Читатель! Это не выдумка досужего человека – это жизненный факт. Можно ли так обращаться с людьми, самым ценным капиталом в мире, можно ли так обращаться воспитателям молодого поколения? Подобный этому был и другой случай, но только с учеником. Валентин Логиновский, ученик 7 класса, грамотный, развитый, но много думающий о себе, был вызван на педагогический совет по поводу грубости учительнице русского языка Усовой М. А.. Педсовет был в полном составе, человек 26. Он невозмутимо зашёл в учительскую и небрежно присел на диван. Нетерпеливо выждал заявление классного руководителя. Педсовет просил объяснения Логиновского. «Я не собираюсь отвечать», – «Почему?» – «Потому, что считаю не нужным». Сразу напомнил мне человека в «гарольдовом» плаще. После долгих требований педколлектива Логиновский говорит: «А вот что. Кто тут знает русский язык лучше всех?» – «А что?» – «А то, что вот как, ставится или нет запятая, если деепричастный оборот в начале предложения. Я поставил, у меня сосчитали за ошибку. Я изорвал работу». Время подходит к началу занятий. Решили перенести вопрос на следующий педсовет. Можно ли прощать за такие грубые поступки и заносчивость учащихся?

Ответ напрашивается сам.

Приводит учительница N ученика к директору, держит чуть ли не за рукав его, боясь отпустить, и со злостью на лице и в голосе, заявляет: «Обязательно надо принять с ним меры, ничего не слушает, только хулиганит. Я с ним ничего не могу поделать. Да ты что стоишь-то, голову-то опустил, ты расскажи директору, что за тетрадь у тебя была на уроке? Если ты не признаешься, я тебя учить не буду, отказываюсь от тебя, больше мне ничего с тобой не сделать. Обязательно нужно принять меры...». Но директор решает остановить тираду учительницы по отношению к ученику, а то трудно сказать, когда кончилась бы она.

24 января.

Несколько замечаний на письмо. Я.. Прежде всего о человеке. Человек, в горьковском понимании, звучит гордо. Это творец жизни, хозяин и преобразователь её. Всё повинуетя ему: и горы, и реки, и моря, и океаны. Нет ничего выше человека. А поэтому вера моя и надежда только в человека. Всё в человеке – всё для человека. А поскольку человек является хозяином жизни, постольку он должен быть образцом самой высокой организованной материи, образцом красоты и справедливости. Человек духовно должен стоять на

недосягаемой высоте во всём. (Пусть в самом маленьком деле!) Он должен стоять, он будет стоять!

Оглянемся кругом и присмотримся: так ли это? Далеко ещё не так! Как формируется человек? Какую роль играем мы, воспитатели, в этом деле? Вот перед нами ученик 1-го класса. Он внимательно смотрит в букварь, начинает слагать первые слова, слова давно известные ему в жизни, близкие и родные. Ученик живёт с нами день, два. Мы подружились. У него есть букварь и карандаш. Кажись, ему больше ничего не надо, разве мелочь какая. Мы всегда готовы купить. В этом маленьком человечке мы видим ещё не оформившееся (хотя оно и принимает определённую форму) существо. Прошёл год. Он познакомился с товарищами. У всех коньки. Выполняем требование. Прошло ещё два года. Ученик значительно повзрослел. Он (или она) требуют нечто большое. Кроме необходимого добрые папаши и мамыши приобретают (пусть из кожи лезут сами, пусть в долги уходят) всё, что только требует разыгравшаяся фантазия. И вот он доучился, скажем, до 9 класса. Как изменился ученик! Его узнать нельзя. Раньше был бережлив, приборчив. Теперь нет! (Папа купит новое!). Раньше играл без разбору с друзьями, был прост в обращении. Теперь по выбору. (Меня так любят и ценят папа и мама. Они не чета твоим!). Раньше не было чванливости – теперь зазнайство. Раньше любил трудности, выполнять маленькое дело – теперь наоборот (Только стоит папе напомнить – будет сделано!) и т. д. и т. п. А что мы? Где мы, воспитатели? Больше всего мы стоим в качестве непонимающих свидетелей вокруг происходящего. Мы удивляемся: какой прекрасный (ая), как хорошо одет, причёсан, какие розовые щёчки, какие косички, какое обращение милое! Мы в большей мере лебезим и сюсюкаем, дакаем и поддакиваем. Так появляются маленькие пороки в маленьких людях, они перерастают в большие (пороки) в связи с возрастом.

Я раньше, года четыре тому назад, тоже был резок в суждениях людей. Многое казалось грязным, гадким, мерзким. Но неужели они родились такими? Надеюсь, нет! Я стал внимательнее смотреть в жизнь, она только могла ответить мне на волнующий вопрос. И когда я изо дня в день видел земную жизнь, жизнь простую, серую, без прикрас, я увидел, что человек не так-то уж плох и грязен, как я думал. Человек – есть человек. Всё что в нём плохое, было получено не сразу, а насаждалось постепенно, быть может, вытесняя лучшее. Почему? Да ведь жизнь не игра в трагических актёров: сегодня сражён, убит, а через полчаса вместе с убийцей кушал бифштекс и говорил любезности. Раз оборвался, надо подниматься и заживлять ушибленное место. И вот, чтобы не упасть, не ушибиться люди ищут тропы,

тропинки (пусть гадкие, мерзкие), но ищут. Не так ли и сохранились пороки проклятого прошлого по сие время и являются как пережитками прошлого.

1. Я думаю о себе. А поэтому мне наплевать о других. У меня есть пальто. Продают новое. Завидно...(!?) Покупаю. Пришло лучше. Лезу в долг, но снова покупаю. А если «прижмёт» мель, продам по сходной цене, пусть не одену ни разу его. «Запас карман не дерёт», – «мудрит пословица». У NN есть велосипед. Услышал, что будут продавать. Он побледнел, как так. Неужели? А деньги? Нашёл! В 40 градусный мороз он лезет на крыльцо, отпихивает других, кто бы там не был, пусть отец родной (не говоря о друзьях, да и есть ли у него они?) только бы достать, только бы купить. Весь мир ходит в голове вокруг руля и двух колёс велосипеда. Пока свет не мил. Хорошо бы быть одному. И вот купил. Он счастлив. Всех, кого отталкивал прежде, рад обнять, целовать. Рад обнять весь мир с рождающимися и умирающими. Привезли товар. Первую пару (какого угодно) берёт «хозяин» – кто ближе, на то и хозяин, не важно, что другим не хватит. Всё мне. Всё для меня. Не буду же я свою ложку подносить ко рту другого. «Своя ложка ближе к себе».

2. Пришёл пакет ко мне в канцелярию. А о чём он? Занятия на исходе. Отложить! Дождётся. Мне и так хорошо. И лежит пакет под сукном. Так возникает волокитство.

3. Чтобы легче жилось, всё шло как по маслу, нужно зарекомендовать себя. Для этого сгибаюсь в три перегиба, напрашиваюсь на знакомство, больше слушаю, умно делаю улыбку. Авось меня заметят. Пусть заметят для будущего. Так рождается подхалимство, как признак упрочения своего личного благополучия. И т. д. и т. п.

Почему так бывает? Да бывает так потому, что жизнь мы не совсем переделали. Грязь прошлого прилипает: на одного меньше, на другого – больше.

В этой жизни умереть не трудно,
Сделать жизнь значительно трудней.

Чем будет больше людей, признающих не только себя, но и других, тем будет жизнь красочнее и ярче. Я припоминаю Надсона. Он был тяжело болен. Денег не было, вернее, почти не было. Литфонд помогает ему, выделяет некоторую сумму. Он принимает как должное. Но оправившись, он едет домой, устраивает на эти деньги вечер для друзей с вином, с весельем. Сам еле держался на ногах от слабости, но вечер друзьям устроил. Так друзья для него, так он для них. Вот пример красоты человека. И так, человек – звучит гордо. Не надо давать отпускаться ему ниже человека. Не может быть более сурового наказания, чем удалить человека от людей. Мне всё человеческое не чуждо – потому я человек. Потому и пою человека!

26 января.

Учащиеся об учащихся

Кончился рабочий день. Лица учащихся ясны, как ясен солнечный хрустящий день. Даже у меня сегодня нет усталости, грудь дышит вольнее, настроение хорошее. Я не спешу уйти. Ребята окружают стол учителя. Мне кажется тесно, но и хорошо. Я в кругу молодых друзей. Некоторые из учащихся боятся этого слова, что, мол, ученик возымеет многое (а что – неизвестно) и не будет уважать учителя. Пустяки, товарищ учитель! Детские мыслишки. Они будут уважать всегда того учителя, который справедлив, требователен, скромен и прекрасно знает предмет, вернее не только знает, но и любит, любит так, как любит человек самое дорогое в жизни. Уверяю вас, что учащиеся будут любить и уважать, вознаградят вас сторицей.

«Так вот, друзья мои. Расскажите что-нибудь на прощание, ведь завтра выходной, времени свободного много», – просил я ребят. Мои молодые друзья не заставили ожидать. Рассказывали они многое: о себе, о других. Особенно меня заделали некоторые откровенности ребят. Одна девочка и говорит: «В этом году была забавная учительница NN. Уж очень хвастлива». Ребята примолкли, но в лице каждого рдело какое-то удовольствие, по-видимому они были согласны с подругой. «А в чём дело?» – поинтересовался я. Эта учительница работала мало, да мы и не жалеем. В класс всегда заходила молодо, какой-то особенной походкой. Всегда проходила к столу учителя, не взглянув ни разу на учеников, – ровно их и не было. Но здоровалась всегда по пути к столу. Голос у неё был не наш, как она говорила, а московский. Некоторое трудно было понять. Однажды она нам сказала, что вы говорите плохо, «погано», как выражалась она. Вот, мол, я поживу, весь ваш разговор переделаю, да и учителей тоже. Здесь живут люди, ничего не видят, вот и говорят так как вы. Ребята, кто посмелее, условились давать замечания о её платьях. Как приходит она, кто-нибудь и говорит: «А у вас, Полина Петровна, опять платье новое». «Нет! – отвечала она – разве это новое, вы ещё не видели у меня новых. Вот уж я поживу, так увидите, какие такие новые платья». Это нас забавляло. А однажды она на что-то рассердилась и выругала нас. «Вы, – говорит, – кулацкие запевалы». «Ну, это она врёт! – перебил мальчик. «Хвастала слишком она», – закончила девочка. «А в прошлом году интересный был учитель, – начал мальчик, – звали его Иван Михайлович. Придёт это на урок, разложит книги и начнёт заливать какие-нибудь рассказы и всё смешные. Заливает, заливает, все хохочут и он хохочет, да вдруг как крикнет во всё

горло: «Тише! Перестанете ли вы!». Сам выпрямится, а был он большой, да как сделает суровое лицо, мы и дохнуть не смеем, все дрожим; даже бойкий, бойкий у нас Ваня Н. и тот утихал, сидит и не мигает. И вот начитает рассказывать. Мы слушаем и не понимаем, всё думаем, что он крикнет на нас. И действительно, в середине урока кричит: «Семёнов! Ты что тихонький, смирененький, а думаешь о другом? А-а-а!» Семёнов не жив, не мёртв». «Нет, не нравился мне, – заметила Лина, – я сидела на первой парте. Вот придёт он, руками опрётся о края стола и говорит мне: «Ты что, принцесса, выучила или нет урок?» Весь год звал какой-то принцессой. Однажды смотрю, а у него в носу... шишка. Не могу терпеть. А он ко мне: «Ты что, принцесса, смеёшься. Смирно сидеть!» Надоело мне. Взяла чернил и вымазала перед уроком кромку стола чернилом. Приходит Иван Михайлович, опирается и ко мне: «Подай мне, принцесса, ручку». Только после урока увидел, что все руки в черниле».

Эти два маленьких случая говорят о многом.

Один намёк

Мне кажется, что многие из нас напрасно журят, ругают ребят и, хуже всего, сердятся. Вызовут его: ругают, стыдят, а он стоит, мигает, а иногда даже улыбается. Всегда ли нужно подходить одинаково к ученику и только ругать? Конечно, нет! Однажды сижу в учительской, никого нет. Заходит ученик по делу ко мне. Вижу волосы у него не в порядке: отросли, не причёсаны, словно беспризорник какой. Я и говорю: «Слушай, Николай, посмотри в зеркало на себя». Он не понял. «Подойди и посмотри!» – говорю ему. Подходит Николай и видит своё отражение. Так с румянцем на лице и ушёл. На следующий день волосы были острижены. И больше ни один раз не видел я таким неряшливым, как тогда. И всегда, когда в классе я делал другим в виде намёка, Николай немного улыбался, но с любовью смотрел мне в глаза.

29 января.

Было комсомольское собрание по поводу обсуждения хулиганских поступков Инькова, Боброва и Варцова. Они подрались между собой, причиной этому была Паламодова, ученица 9 класса. Случай был как будто маловажный, но злые языки, особенно Варцова, разнесли повсюду и, разумеется, краски сгустили. Инькова и Варцова исключили из комсомола, и дело передали в следственные органы. Расплодилось много маленьких «любовничков», даже у Логиновского сын и тот кружится, пожалуй, не меньше кого-либо, а больше, около девушек. Держится вызывающе, старших

не слушает. Отец воспитывает его по «писанным правилам», являясь большим либералом.

30 января.

Анна Александровна выделила на школьную конференцию самого худшего учащегося из класса (Филёву Галину). Цель та, что она послушает, особенно критику, и «поймёт» как нужно учиться. Между прочим, Галину выдвигают везде, где следует выдвигать лучших учеников, достойных этого. Если все классные руководители выдвинут всех худших учеников, что тогда будет за конференция?

Решили выпускать ежемесячно учительский журнал «Учитель». Энергии и желания много. Готовим первый номер.

1 февраля.

Я решил показать своё стихотворение «Погибшему другу Николаю Б.» Логиновскому и Боровскому. На них оно произвело хорошее впечатление. Показал С. С. Барык, он просмотрел и указал:

- 1) Не годится глагольная рифма, мол, это самая бедная. Где он вычитал этакое. Смотрел у Пушкина, Тютчева, Маяковского и др. и все употребляли и употребляют и теперь её. Глагольная рифма, наоборот, более динамичная.
- 2) Повтор слов не к месту – принимаю как должное.
- 3) «Заря взошла» – образ затасканный. Не думаю, что так. Сила, по-моему, в простоте обрисовки, в ясности изображаемого. Не беда, что словами этими же изъяснялись и до нас.

«Разговор о ложках» задел многих, говорят, что написано справедливо.

2 февраля

Выходной. Ходил в баню. В бане грязно, неудобно. Следует написать сатирическое.

3 февраля

Было собрание. Представитель из области сделал доклад «Антирелигиозное воспитание в школах». Доклад был 7 минут. В докладе сказал, что старушки молятся, а учителя смотрят мимо. Крестьяне справляют праздники и дерутся между собой. Понял ли докладчик суть темы, которую хотел осветить? Фамилия ему Шаманин.

4 февраля.

На улице стоит 33 градусный мороз. Учащиеся с окоченевшими конечностями приходили в школу. В классах нижнего этажа было холодно.

Между Клепиковой и Паутовой произошёл разговор весьма недружелюбного характера из-за холодных классов. Паутова любит вставлять шпильки в дела. Нужно кое-что написать для журнала «Учитель».

В половине седьмого в Павловскую начальную школу приехал инспектор народного образования Николай Иванович Сорин, человек средних лет, малоразговорчивый и вдумчивый в дела. Просмотрев бегло планы, познакомившись с работниками школы, Сорин изъявил согласие сходить на урок в 3 класс к молодой учительнице Нине Павловне.

Николай Иванович Сорин, инспектор народного образования, и учительница 3-го класса Нина Павловна вошли в класс. 35 учеников встали и приветствовали свою учительницу. Николай Иванович прошёл и сел на заднюю парту. Ученики приглушённо о чём-то шептались и изредка оглядывались назад. Учительница, отметив в журнале, начала урок. В самом разгаре урока произошёл интересный случай, смявший весь урок. Когда Нина Павловна рассказывала о вреде сусликов, вдруг в отверстие, которое было в углу у печки, показалась мышь средней величины. Никто этого не заметил, кроме Миши Ногтева. Мышь, вынырнув из отверстия, понюхав воздух, побежала вдоль полу. Миша не выдержал и крикнул: «Мышь, мышь, смотрите – ка какая!» Его сосед Ваня, подталкивая локтем, шептал: «Где она, где?» Нина Павловна, увидев мышь, торопливо бросилась к ней со словами: «Имай её, имай, топчи!» А сама большими подшитыми валенками стремилась затоптать злополучную мышь. Ученики, за исключением нескольких, поспешили на помощь учительнице и окружили её кольцом. Поднялся детский шум и гам. Все кричали и давали советы. Но мышь, вырвавшись из толпы малышей, бросилась в угол и скрылась в дыре. Ученики, взволнованные и недовольные тем, что не удалось поймать мышь, сидели на места. Но урок так и не смогла Нина Павловна продолжить. Ребята поминутно смотрели в угол печки и дожидались мышь, но она больше не показывалась. После урока Ваня Кочкин говорил, что они всё равно изловит эту мышь.

6 февраля.

Сегодня заседал местком. На местком был приглашен председатель райсоюза Нагаев. К его работе отнеслись критически, заявив, что ещё до сего времени работники торговой организации относятся к специалистам пренебрежительно, по-барски. Нагаев очень обиделся и даже пытался припугнуть, мол, как это так отзываетесь о начальнике. Но под конец собрания, видимо, пыл обидчивости прошёл и «смилоstinившись» кое-что пообещал, чему собрание было радо.

7 февраля.

Унёс в редакцию «Разговор о бане». Прочитали и сразу в набор. Больше просят писать на злобу дня в сатирических тонах. По-моему, это дело нужное и необходимое. Всю грязь и мерзость нужно выкорчёвывать всячески, чтобы чище была наша земля и радостней жизнь. «Разговор о ложках» дошёл до рядового читателя. В промартели один из читавших стих заявил: «А интересно всё же есть ли здесь, в Подосиновце, этот Данский?» Узнав, что он в Подосиновце, многие удивились: как это так!

9 февраля.

Немного болит голова. Вчера написал хороший стих о горе Бештау. Следовало бы написать много о Кавказе.

13 февраля.

Последнее время было какое-то болезненное состояние. Сегодня вышел разговор с Колпаковой. Она работает завучем в школе. Работа поставлена ещё далеко не на высоту. Общие красноречивые рассуждения вообще вредны. Вчера я был дежурным по школе. А у нас заведено так, что учащиеся, получившие «плохо» и «очень плохо» оценки, работают в школе дополнительно час. И вот час работы окончился, вбегает Колпакова и говорит: «Что у вас тут за шум, перемена что ли?». Узнав о том, что ребята закончили работу, она продолжает, почему, мол, мало работали? Почему не оставлены на второй час? Подобные слова и мысли ретивого завуча поняты были учениками по-разному. Выслушав нотацию, я ушёл в надежде поговорить потом и прямо. Говорили сегодня. Она считает, что это было сказано без какого-нибудь умысла. Но можно ли вообще давать нотации учителю во время присутствия учеников, можно ли вообще требовать отчёта с учителя при учениках? Это говорит о незнании самых простых истин педагогического труда. Такие нотации не повышают, а наоборот понижают авторитет человека, делающего нотацию. Следует критиковать резко, по-большевистски нашу работу, но на это есть собрания, педагогические советы. А на педагогических советах мы немые, но по за углам чересчур развязны.

Коллектив должен работать, как часовой механизм, но некоторые люди ещё не научились заводить часы.

«Как не маскируй себя, а уши осла торчат» – есть такое народное выражение.

18 февраля.

Было учительское собрание. Обсуждали вопрос «Итоги совещания при Наркомпросе» (Народный комиссариат просвещения – *примеч. сост.*). После собрания никто не выступил, за исключением Клепиковой. Даже штатные говоруны замолчали. Набило оскомину. Выносим решения. Некоторые любители этих решений: хлебом не корми, а решение подай. Думали, думали и так ничего не придумали, кроме: претворить в жизнь. Первое собрание без решения. Хорошо бы поменьше решений – побольше дела! Обсуждали вопрос о ликвидации неграмотности. Своим выступлением затянул Бовыкин. Он берёт всегда людей измором, читает цифры, планы, намётки и т. п. Это не человек, а какой-то прибор наподобие счётчика. И удивительно то, что всё живое дело топится в этакой болтовне. Заседали было около 4 часов. Вынесли решение.

19 февраля.

Многие пришли на урок с липовой подготовкой. Барык даже сказал, что хоть не занимайся! Мол, тетради не проверены, планы не готовы.

Проходила секция учителей русского языка. Ознакомились с решением Наркомпроса по поводу дискуссии о грамотности учащихся. Учителя жалуются на недостаток бумаги. Оно, конечно, так и есть. Судили за драку Инькова, Боброва и Мансурова. С первых штраф по 150 рублей, с третьего – 6 месяцев четвёртая часть зарплаты.

Получил письмо от Якова. Его грызёт тоска и одиночество. Отсюда – пессимизм. Стараюсь разубедить. Написал большое письмо. Боровской собирает собрание учителей, работающих в его классе. А если будут собирать все классные руководители, то мы будем похожи на «прозаседавшихся». Ей – богу, правда.

20 февраля.

У нас в школе есть учительница (М. А. Ус.), у которой редко увидишь улыбку на лице. Она всегда ходит с насупившими бровями, морщины опущены к носу вниз и всегда чем-нибудь недовольна: то ребята не слушают, то плохо работают, то не выполнили, то шалят. И какая-нибудь причина да есть. И всегда обижается, даже сердится на ребят. Это неуместно. Ушинский говорил по-другому.

Был инструктаж агитаторов. Инструктировал Смирнов. Ну и болтун же. Ни одной правильно – конкретной мысли. А все вообще. Иногда материал перебирает и говорит какую-то чепуху. Многие спали самым заправским образом.

Дал задание 9 и 10 классам по сбору русских народных песен нашего района. Дело начал как будто хорошее. Следует его продолжить. Задумал

написать поэму в стихах. Кратко сюжет таков. У одного крестьянина красавица дочь. Полюбила молодого парня-бедняка. Отец желает выдать за богатого. И выдаёт. Жизнь нестерпима. Она решает кончить жизнь самоубийством – бросается в реку. В это время едет милый, спасает её и увозит. А конец ещё не придумал. Следует посоветоваться.

25 февраля.

Дорогой Аркадий, извини. Я не выдержал своего слова и в дневнике сделал не маленький перерыв в 5 дней. Уж жизнь такова, немного заработался. Последнее время ни минуты не было свободной, да и впредь не предвижу их. Расскажу кое-что за эти пять дней.

1) Как рождается сплетня.

К нам в школу в большую перемену пришла из детского дома воспитательница, некто Гмызина. Девушка молодая и разговорчивая. Была она на нескольких уроках и переменах. В большую перемену для учащихся было привезено 15 пар валенок. В числе других получила и ученица 9 класса Чегодаева. Кроме того, Чегодаев утром в магазине получил рубашку. Гмызина идёт в детский дом и говорит, что в школе давали учителям рубашки, валенки. Все удивлены, как мол, это так. Работница детдома N идёт в Роно и говорит в свою очередь: «Сегодня в школе давали валенки, рубашки и кофточки». Все удивлены. Неизвестно, какой бы облик приняла эта скороиспечённая сплетня, но она была приостановлена директором школы, к счастью, присутствующий здесь.

2) Среди учителей последнее время идёт разговор насчёт инициативы учащихся старших классов. Действительно, учащиеся мало проявляют инициативы во внешкольном деле. Пока не укажешь и не подскажешь – сами никак не додумаются. Рассуждают по-разному, но больше остаются в недоумении.

3) Решения 18 партийной конференции являются лозунгами и делами наших дней. Действительно, у нас есть такие болтуны, как ничего не делают, ничем не руководят, а занимают места, как досужие дачники, изредка подписав бумагу или брякнув по телефону, а во время критики начальническим тоном покрикивают, да ещё кичатся своим каким-то особым происхождением. Такие людишки, с позволения сказать, воняют за три километра, являются грузом на наших ногах. Необходимо снимать и ставить на низшие посты тех, кои не работают, а пресмыкаются. Решения конференции принимают с большим

удовлетворением. Некоторые начальники чувствуют, что их они касаются (критика), но терпеливо умалчивают о себе.

- 4) Рядом с Роно сегодня проходило шумное заседание ширпотреба. Пока что идёт говорильня. В магазине прибавили несколько корзин и пару колёс. А ложек (моя мечта) так и нет.
- 5) Приехала новая математичка. По примеру Добчинского и его друга многие выражают интерес, примерно по таким вопросам: откуда, какое образование, какова собой, где работала. А увидев, недоумевающе оглядывают с ног до головы. Ахмадиев, один из первых, начал любезный разговор и закончил: «И так вместе с вами будем изучать Подосиновец».
- 6) Был 28/ II Коковин. Как и всегда ездит по свадьбам. Был на двух, и три впереди. Рассказывает о них с жаром.

27 февраля.

Личные невзгоды переносят на общественные. Безобразие! Третьего дня смотрел кинокартину «Светлый путь». Слишком посредственная. На 2 части можно было сказать о конце. А люди? Что это за люди: все бегают, трясутся, беспокойство ради беспокойства. Орденоноска – уж очень простой путь, да и он почти не показан. Играла Орлова, говорят хорошая артистка – а не нравится.

Сегодня видел кинокартину «Музыкальная история». Замечательная из замечательных картин. Играет Лемешев, его голос узнаёшь везде. Авторы этой картины могут гордиться заслуженной победой.

У Анны Александровны нет среднего настроения: либо ругается, либо слишком хохочет.